

Г.П.Щедровицкий

Методологическая организация сферы психологии *

К названию своего доклада я добавлю только то, что слово «психология» пока берется в кавычки, потому что оно уже содержит в себе интенцию на «науку» и научные представления, что я как раз буду проблематизировать.

Доклад на объявленную тему очень сложен для меня, и я пока плохо представляю, насколько мне удастся добраться до осмысленного финала. Тема чрезвычайно сложна, поскольку предполагает втягивание и обсуждение очень обширного и разного материала и такую систему сопоставлений, которая меня при моих знаниях очень затрудняет.

В первой части я постараюсь объявить свои цели и сформулировать основные положения, которые потом буду разъяснять и обосновывать.

В конце прошлого занятия две недели назад В.В. Давыдов предупредил, имея в виду предстоящий доклад, что речь пойдет о предмете и методе психологии. Отталкиваясь от этого его замечания, я и введу основное исходное противопоставление. В.В. сказал так для того, чтобы перевести все содержание на привычные рельсы, он воспользовался привычными терминами, чтобы соответствующим образом пояснить и тему, и предмет обсуждения.

Я же постараюсь показать, что подход к тому, что мы называем «психологией», с точки зрения такого традиционного трафарета, как «предмет и метод психологии», по крайней мере, неэффективен, скажу даже более жестко: это — неверный и отсталый подход, хотя он и освящен традицией, понятен и всеми принят.

Говоря о формах существования «психологического», мы, естественно, сразу называем эти привычные термины: «предмет» и «метод» — они, собственно, и характеризуют привычный рефлексивный взгляд на психологию. Но повторяю: трафарет этот сам по себе не является психологическим, а заимствуется — то ли из науковедения, то ли из методологии, то ли из философии, т.е. взят психологией откуда-то со стороны, напрокат. Но мы его давно используем, накладывая на то, что называем «психологией», и привыкли думать, что психология — это «наука», имеющая «предмет» и «метод», что именно с этой точки зрения ее и надо рассматривать. И потому-то, повторю, В.В. и употребил эти слова, чтобы включить вас в привычный, традиционный контекст обсуждения.

Я же дальше хочу показать, что сам этот трафарет — «науки», «научного предмета» или «научной дисциплины» — в настоящий момент уже распался, причем распался в самом науковедении, в других науках, в том числе даже в естественных, и существует только в нашей, если хотите, обыденной культуре. Можно сказать и так: хотя мы по-прежнему говорим о «научных предметах», «научных дисциплинах» и «науках», реально их уже давно нет.

Но здесь можно выделить два разных аспекта, которые я буду и обсуждать по-разному.

С одной стороны, это вопрос о самом «трафарете», который не проистекает из природы психологии, но имеет свою собственную историю и традицию, который формировался в философии и на базе естественных наук, таких как механика, гидродинамика, электродинамика, механика сплошных сред, физика, и который представляет собой определенное средство, с которым мы работаем за неимением других.

И есть совсем другой вопрос — вопрос о том, что же, по сути дела, представляет собой то, что мы сегодня называем «психологией»? Что это такое и как это надо рассматривать?

В отношении «трафарета» я буду стремиться показать, что культурно он давно устарел, что в самом науковедении он уже практически не используется.

Что же касается того, что мы называем «психологией» — той психологией, которую я пока поставил в кавычки, то я буду стремиться показать, что это есть не наука, а нечто значительно большее.

Уже сегодня психология включает в себя, по меньшей мере, три, а может быть, четыре

* Доклад 16.03.1981 в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. Публикуется по магнитофонной записи // Вопросы методологии. 1997, №1-2.

или пять десятков разных научных предметов, которые надо разносить в разные группы и по разному типологизировать. Но дело даже не в том, что психология сегодня включает так много разных научных предметов — важно, что она включает в себя еще и целый ряд техник и практик.

Я буду отстаивать тезис, что в каком-то смысле психология — это весь мир, взятый с определенной точки зрения, и потому психология — это не только совокупность каких-то научных дисциплин, а весь универсум человеческой жизнедеятельности, взятый в определенном повороте, в определенном ракурсе, с определенным техническим и практическим отношением.

Дальше я введу термин — это будет уже гипотеза, которую я сам рассматриваю как весьма смелую — я введу термин «сфера мыследеятельности» и буду говорить о психологии как особой, уже сформировавшейся и развивающейся сфере мыследеятельности. Это понятие «сферы мыследеятельности» — я буду противопоставлять понятию «науки» и говорить, что психология — это особая сфера мыследеятельности, по сути дела захватывающая весь универсум жизнедеятельности, весь социум, с множеством научных предметов и разного рода техник — антропотехник, психотехник, культуротехник и целый ряд практик, которые мы развиваем, включая практики «коммуникации» и «взаимодействия».

Я буду стремиться показать, что этот тезис принципиально важен, прежде всего в организационном плане, а также в плане историческом. Потому что, с моей точки зрения, главный вопрос сегодня должен быть сформулирован так: как дальше будет и должно развиваться себя сообщество людей, причисляющих себя к сфере психологии? Как оно мыслит и представляет себе это развитие?

Ибо смысл обсуждения оппозиции — «психология как наука» (с определенным «предметом» и «методом») или «психология как сфера» — прежде всего в вопросе о форме организации наших знаний и нашей мыследеятельности (МД). Мы потому его и обсуждаем, что хотим знать, как нам строить нашу коммуникацию и кооперацию.

Представление о «науке», с одной стороны, и представление о «сфере МД» — с другой, дают два принципиально разных ответа на этот вопрос — вопрос о том, как может и как вроде бы должна развиваться сфера психологии. В сфере МД есть очень много разных методов, и каждый тип деятельности, включенный в эту сферу, использует те методы, которые соответствуют в данный момент целям этой деятельности.

Основной вопрос поэтому — это вопрос о целях психологической работы: для чего мы занимаемся психологической работой, что таким образом и за счет чего хотим сделать? На что мы ориентируемся? Что считаем добром и злом? А дальше — какое место занимает это сообщество людей со своими ценностями, целями, ориентацией в работе — место во всей жизнедеятельности людей, с одной стороны, т.е. в плане функционирования, и, с другой — в плане исторического развития людей и человечества в целом?

Разговоры о предмете и методе не затрагивают этих сложнейших вопросов о ценностях и целях. С точки зрения субъектно-объектной схемы — все вроде бы очень просто. Надо ответить на вопрос: «каков объект»? И ответ уже дан: психика (как известно: от греческого «псюхе» — в переводе душа. А дальше надо определить, как ее можно мерить, описывать, отражать.

Так что постановка вопроса о предмете и методе научного анализа как будто бы очень проста. Проста с поверхностной точки зрения: если думать, что объект уже дан, и надо лишь подстраивать к нему технику исследовательской работы. А другого захода здесь и быть не может, потому что если не предполагать эту заданность объекта, то разговор о предмете и методе вообще становится бессмысленным. Для ответа на вопрос, почему в тот или иной исторический период у психологии один, другой или третий предмет, требуются какие-то другие ориентиры и другое пространство.

Разговор о «сфере МД» исходит совсем из других оснований. В этом случае главным становится вопрос о целях и ценностях: в этом случае приходится отвечать на вопрос, зачем и ради чего мы занимаемся психологической работой. Это порождает целый комплекс новых и очень сложных проблем, тогда как обсуждение с точки зрения предмета и метода или с точки зрения схемы научного предмета отработано на протяжении 200 лет, и потому понятно, о чем

мы там говорим.

Если же формулируется принцип, согласно которому «психология есть сфера МД», то потребуется еще отвечать на вопрос, как мы это будем описывать. И что это вообще такое? Как это представлять организационно? И потому открывается огромная новая область методологических разработок, а именно трактовок «сферы психологии» как собственно «сферы».

Вот это я и хочу сделать. Я говорю пока о своих целях и сформулировал основные тезисы для того, чтобы вам было понятно, куда я иду, чтобы вы могли оценивать мое движение относительно этих объявленных ориентиров. Это очень сложно, и я не знаю, насколько мне это удастся.

Завершив первый фрагмент, перехожу к более систематическому изложению содержания.

Итак, то, что мы называем «наукой», с точки зрения современной методологии и науковедения, есть особая, исторически преходящая, форма организации знаний, мышления и деятельности. Говоря «наука», «научный предмет», «научная дисциплина», мы подразумеваем именно знание, мышление и деятельность.

На переднем плане всегда стоят знания, и потому без особой ошибки можно говорить о «науке» как особой форме организации знаний. Потому что, если мы хотим понимать, что же это такое «наука», то прежде всего должны поставить ее в ряд других форм организации знаний и отнести к определенному историческому периоду. Так делается отнюдь не всегда, потому что мы привыкли: «наука есть наука» — это всегда что-то само по себе очень значимое — скажем, у нас есть кандидаты и доктора наук, но нет кандидатов и докторов искусств. А почему? Раньше-то они были.

То, что сегодня называется сциентизмом, это, прежде всего, определенная идеология, определенный миф. И этот миф научности настолько разросся, что очень часто закрывает вид на весь остальной мир, и мы перестаем видеть то, что реально происходит.

Но «наука» как особая форма организации знания и МД — это очень частная форма, и то, что последние 200 лет — в нашей идеологии, в нашем осознании происходящего — она приобрела такое значение, совершенно не соответствует ее реальной значимости. Распространение науки как таковой отнюдь не вытеснило другие формы организации знаний. Да и по времени научная организации существует очень недавно.

Более того, дальше я постараюсь показать, что это вообще дурная абстракция и что на самом деле «научной формы организации знаний» как таковой в чистом виде никогда не было. Что это, следовательно, скорее «выдумка философов», фикция, которую они навязали миру. Обращаясь к истории прошлых веков, мы можем зафиксировать не один такой этап, когда научной формы организации знаний вообще не было или, даже если она и была, то господствовали тогда другие формы.

Так, мы знаем, что в течение многих тысячелетий существовала древнеегипетская культура, и что она была построена в принципе иначе, нежели современные научные формы организации. Там — насколько мы это знаем и понимаем — было две основных формы: во-первых, форма культов и культовой передачи образцов деятельности, и, во-вторых, в некоторых ее областях, например в землемерном деле, существовали практико-методические предписания — нечто вроде нашего современного программированного обучения.

Первая форма «науки», совсем не похожая на нашу естественную науку, возникает в Древней Греции и затем получает развитие в эллинистический период. Это было то, что древние называли «математикой». Это были, прежде всего, геометрические знания, но были и другие формы, скажем типа дифференциальных уравнений. Как очень точно замечает в своих комментариях А.Ф. Лосев: «Для древних греков математика типа "Начал" Евклида соответствовала тому, что мы сегодня зовем наукой».

Это была их форма науки, как бы «естественной» науки, хотя уже в то время возникает теория музыки и Птолемея система, которая приближается к нашим формам. Неизвестно, что происходило бы там дальше, если бы все это не было опрокинуто развитием христианской религии и теологии: математические книги сожгли, математиков убили, и на этом социальное существование той формы кончилось на долгое время. А появилась теология — я называю

самые значимые формы, фокусы — плюс религия.

Ни в коем случае нельзя недооценивать значение теологии. Сейчас все больше выясняется, что именно ей мы обязаны формированием современной техники мышления. Может быть, не будь известного разрыва между миром духовным и светским, не было бы и столь характерного для немецкой классической философии разрыва между «чистым мышлением» и МД, разрыва фундаментального для всей европейской культуры, сыгравшего решающую роль в появлении естественных наук у Галилея и далее.

Снова хочу подчеркнуть, что настоящий анализ этой истории требует очень большой, кропотливой работы; здесь ей не место, да и я к ней не так уж и готов. Я выделяю лишь господствующие формы, или фокусы, которые преобладали в то время. И мне не очень ясно, положим, должен ли я выделять как особый период, когда такой основной формой была философия — философия именно как особая форма организации знаний и МД. Этот тезис можно проблематизировать. Вполне возможно, что такие периоды в истории философии были: было, например, то, что Аристотель называл «органом», или методологией особого типа. Но, может, это и не так.

Где-то в раннем Возрождении или в позднем Средневековье философия начинает отделяться от ведущих форм. Затем между XIII и XVII вв. возникает естественная наука, которую мы обычно имеем в виду, говоря о «науке». Наверняка она появляется только в XVII в., когда создается онтологическая картина природы и когда Галилей создает две свои новые науки механики. Они и становятся образцом организации знаний.

Затем развитие научного представления ведет к появлению того, что мы сейчас называем «методологией науки». Именно она виновата в том, что наука приобрела современные формы. Здесь мне важно подчеркнуть, что эта «методология науки» есть нечто иное, нежели «методология вообще», нежели методология мышления и деятельности в ее разных формах.

Наконец, сегодня мы приходим к ситуации появления мульти-, поли-, меж- и наддисциплинарных, комплексных и всякихдругих исследований — в прямом смысле антинаучных, которые характеризуют уже разложение и распад науки как ведущей формы организации знаний.

Для чего я все это рассказываю? Я хочу вернуться к основному заходу. Я в очень грубой форме выложил для обозрения и критики свое историческое основание. Я ведь говорил, что наука как форма организации знаний и МД имеет исторически преходящий характер, возникает сравнительно поздно и в том общем историческом потоке, в котором до нее существовали другие формы организации знаний и МД.

И теперь мне важно подчеркнуть, что она возникает именно внутри методологии, а отнюдь не сама по себе. Если вы начнете внимательно анализировать работы Галилея, его «Беседы о двух новых науках» или «Диалог о двух главнейших системах мира», то обнаружите, что они носят методологический и онтологический характер. В еще большей мере это относится к работам Джордано Бруно и Николая Кузанского.

Наука — это особый искусственный организм среди различных форм организации знаний и МД, особым образом замкнувший философскую онтологию и ее представление об идеальном объекте с практикой совершенно особого рода — так называемой «экспериментальной» практикой.

При этом было сформировано совершенно особое представление об объекте исследования, о его жизни в своем мире (в частности, о его постоянном сохранении) и об отношении исследователя или деятеля к этому объекту. Еще раз подчеркну: условием появления науки как особой формы организации знаний и мышления был целый ряд конструктивных обстоятельств, без которых эта форма в принципе невозможна.

Например, если сейчас я разожму пальцы, и этот кусочек мела начнет падать, как говорит ученый, «по определенным законам», то, если я его подниму и снова разожму пальцы, он будет падать точно так же, в том же процессе и будет подчиняться тому же закону и во второй раз, и в третий. И то, что мы называем «научным знанием», применимо только к таким явлениям, к таким объектам.

Неважно, откуда я возьму мел — со стола или из ящика, неважно, будет это мел или

книга. Были зафиксированы особые условия обобщения, выдвинуты определенные принципы, гипотезы инвариантности. Было постулировано, что жизнь объекта не зависит от нашей деятельности. И все это были онтологические предпосылки и основания появления научного знания.

Больше того, самой идеей научного знания закладывался принцип, фиксирующий возможность вырывания объекта изучения из общего контекста связей. И неважно, как вы его вырываете — объект всегда должен оставаться тем же самым.

Поэтому наука всегда строится на идее атомизированных объектов. Она в этом смысле принципиально несистемна. И когда сейчас мы формулируем принцип системного подхода, то он — антинаучен и направлен на подрыв самих оснований научного видения мира.

Точно также считалось, что объект каждой науки существует изолированно, не совпадает с объектом другой науки. И в этом смысле принципы комплексного, мультидисциплинарного подхода также антинаучны, также направлены на разрушение научной идеологии и научных форм работы.

В идее эксперимента была заложена идея оппозиции обычной практике — идея практики искусственной, лабораторной. При этом обычная практика была поставлена вне закона, ее опыт не имел никакого значения для науки. Поэтому Галилей и сформулировал свой знаменитый принцип, который мы сегодня стыдливо убираем из учебников и пишем прямо наоборот. Ведь Галилей сказал: «Если мои конструкции не соответствуют фактам, тем хуже для фактов! Потому что мои конструкции правильны, а факты — только видимость...» И на этом всегда стояла, строилась наука.

Мы об этом сейчас не говорим, но изучение истории науки показывает, что любая и всякая наука всегда формировалась на этом принципе.

И как только мы его выбрасываем, мы убираем условия, в которых может существовать научное знание.

И последнее. Когда мы сейчас обсуждаем эти вопросы, мы делаем вид, что наука и научное знание существуют сами по себе как нечто самодостаточное, вне более широкого контекста знаний, вне их определяющего влияния на саму науку. А этого никогда не было.

Наука Галилея рождалась внутри методологии и представляла собой особую внутри нее спор, организованную специфически научным образом. И существовала, и была там животворной наука только тогда, когда была определенным функциональным органом внутри более широкой методологии. Проследить это мы можем на истории всех наук.

Между тем в обыденном сознании это предстает совершенно иначе. Для него наука выступает как нечто самодовлеющее, как некий целостный организм, самодостаточный для обеспечения деятельности знанием. А этого никогда не было: наука — орган внутри более широких систем организации человеческого знания, и только так она складывалась и существовала.

Но с того момента, когда появилась «методология науки», которая и привнесла свои предрассудки, которая и представила науку как нечто самодовлеющее, — с этого-то момента и началось, по сути дела, извлечение научных форм организации знаний из всех других форм, их «окукливание» и, вместе с тем, — распад самой науки.

Поэтому с момента возникновения научного знания возникает проблема «связи» науки с практикой. Уже в кантовской, в трансцендентальной философии фиксируется разрыв между чистым мышлением и практическим мышлением, между научным мышлением и применением научных знаний. Кант обсуждает это невероятно резко, фиксируя неприменимость научных знаний к практике.

Отсюда и начинается развиваться эта вечная тема, выраженная вопросами «что теперь делать с наукой? и «что делать с научным знанием?» Эта линия завершается сегодня очень жесткими требованиями внедрять результаты науки в практику. Это есть фиксация того, чего нет, чего не происходит. И потому даже говорится, что оплачиваться будут только те научные работы, которые дают непосредственный «товарный» выход. И так же точно формулируется требование на комплексную организацию научных исследований.

В какой-то мере это есть наказание ученым за их безынициативность и нерадивость.

Потому что, получив в наследство эти «окукленные» предметы, работая с жупелом науки, ученые думали, что это их счастье будет продолжаться вечно, что они вечно будут что-то делать в своих окукленных предметах, ставить эксперименты, писать статьи. За одними будут следовать другие, и общество будет вечно мириться с этим безобразием.

Нет, не будет! Потому что оно давным-давно поставило вопрос: «а зачем все это нужно?» А как дело дошло до чиновника, то ответил он очень просто: «Прикладывайте! А не прикладывается — закрывать!» И в известном смысле это справедливая расплата за безразличие к ситуации, за шоры на глазах, за веру в традицию.

Я заканчиваю этот смысловой фрагмент. Итак: научная форма организации знаний — одна из очень многих и рассматривая историю развития человеческой культуры, мышления, мы обнаруживаем много других форм — совсем не научных, очень часто — лучших и более мощных. На разных этапах исторического развития превалировали и становились ведущими разные формы. И далее я постараюсь показать, что каждый раз это было определено задачами развития человеческого мышления и деятельности на данном этапе. Каждая форма обеспечивала определенную, всякий раз особую линию развития МД.

Когда господствовала практико-методическая и культовая организация знаний и МД, развитие шло в одних механизмах и направлениях. Появилась математика — пошло по другим направлениям. Каждая из очень грубо названных мною таких форм характеризует определенную организацию МД с определенными векторами развития и, если хотите, с определенной организацией целого.

В свое время образование таких «окукленных» научных предметов имело большой смысл: оно обеспечивало очень быстрое развитие специфической исследовательской техники, техники моделирования и экспериментирования. И 300 лет мы фактически играли в эту большую игру — игру развития техники исследования. И то, что имеем сейчас,— это, в известном смысле, плоды нашей игры.

Но все это кончилось! И в самом науковедении сформулированы сегодня совершенно другие принципы, на повестку дня встали другие социокультурные проблемы. Мы уже не можем дальше играть в игру развития научной техники. Мы достаточно освоили ее, «оспособили», развили. Теперь требуется другое: вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику, чтобы научное исследование было замкнуто с соответствующей техникой, и чтобы исследование, техника и практика были завязаны между собой в более сложные организмы.

Мы можем по-разному к этим проблемам и требованиям отнестись. Мы можем сказать: «Необходимо продолжать развитие обособленных научных предметов! Это нужно, важно, полезно». Да, сказать-то так можно, но при этом надо понимать, что за этим последует. Если вы набираетесь окаянства и дальше двигать это в психологии, успехов вам, но имейте при этом в виду, что вас будут больно бить, и вы должны быть готовы к побоям, потому что ваши устремления разошлись с линией развития общества.

Перед ним сегодня не стоит задача развивать изолированные научные предметы. У него сегодня совсем другая задача: решить, как увязать исследования, техники и практики в единые целостные организмы, обеспечив таким образом взаимосогласованное, координированное развитие всей МД.

И это отражается в науковедении и методологии. Появляются принципы внедрения, комплексности, системности, направленные на разрушение науки как таковой. И это надо очень четко понимать и помнить.

Я обсуждал этот вопрос, чтобы показать, что сам трафарет «науки», который мы хотим применить к нынешнему состоянию психологии, стал культурно отсталым и неприемлемым. Мы подходим к стоящим перед ней задачам с устаревшим представлением. И когда мы пользуемся этим средством, чтобы решать наши внутренние психологические проблемы, то выпадаем из общего контекста развития современной МД и культуры. Мы начинаем решать задачи, которые решались в XVII в.

Имеет ли это смысл? Вот вопрос, который следует поставить. Я не говорю, что это не имеет смысла, но это надо проблематизировать. Нужно ли психологии заново проходить

однажды уже пройденный путь «к науке» в условиях, когда все другие идут «от науки», идут к комплексной организации, к практической и технической организации? Нужно ли нам возвращаться в XVII век и заново проходить пройденный другими путь? Вот что и только это я спрашиваю.

И теперь я перехожу ко второму, очень непростому вопросу: от вопроса о «трафарете» я перехожу к вопросу о самой «психологии». Когда сложилась психология?

Коллингвуд считает, что термин и начатки психологии возникают в XVI в. Но еще у Аристотеля, как известно, есть замечательная работа «О душе», в которой развито уже неимоверно много. Можно ли считать ее психологической работой? К сожалению, у нас нет настоящих исторических исследований, которые давали бы ответ на этот вопрос.

Ясно, что вопрос о душе стоял в теологии, и, наверное, начатки психологии, как и многого другого, возникают именно в теологии, и уже оттуда проникают затем в философию, начинают развиваться философски. Опять же принято считать — я сейчас это не проблематизирую, — что в первую половину XIX в. мы имеем еще философскую психологию (можно сослаться на классические работы И.Гербарта), а уже со второй половины XIX в. начинается развитие экспериментальной психологии, когда В.Вундт создает в Лейпциге первый Институт экспериментальной психологии и начинает готовить психологов-экспериментаторов с соответствующей ориентацией и направлением.

Таким образом, только со второй половины XIX в. возникает научная установка в психологии и делаются попытки развить психологию как строгую и естественную науку. Как я старался показать, эти попытки были сделаны уже в то время, когда сам трафарет «науки» себя исчерпал и приближался момент, когда саму идею научной организации знаний и мышления поставят под сомнение.

Получилось так, что установка на развитие естественнонаучной психологии начала реализовываться тогда, когда сама эта естественнонаучная парадигма уже треснула и с разных сторон стала подвергаться сомнению. Как бы там ни было, важно, что в психологии с самого начала сложилось также и антинаучное направление — я имею в виду так называемую «понимающую» психологию.

Вновь выражу сожаление об отсутствии у нас настоящей службы истории психологии. Потому что когда я начинаю читать работу Л.Г. Ионина «Понимающая социология» или другие, официально изданные, апробированные Институтом философии книжки по истории социологии XIX и первой половины XX вв., то с некоторым удивлением для себя — опять-таки, в силу своей малограмотности — узнаю весьма занимательную вещь, что «понимающая психология» выступала против естественнонаучной психологии с точки зрения интересов практики. В этом плане «понимающую психологию» сопоставляют с марксизмом и говорят, что именно марксистская философия и «понимающая психология», а вслед за ней и другие «понимающие» направления поставили вопрос о практике и противопоставили научному подходу точку зрения практики.

Одним из разрушителей сциентистской идеологии был именно К. Маркс, и та революция, которую он производил, была направлена против методологических и онтологических оснований науки. Поскольку для нас наука есть прежде всего естественная наука, то сопоставление «понимающей психологии» и марксистской философии отнюдь не случайно и невероятно значимо. Я хочу его резко выделить.

Таким образом, «понимающая психология» разворачивает свою идеологию и критику пауки, исходя из обстоятельств и условий практики человеческой МД. И развитие «понимающей психологии», как и развитие «понимающих» направлений в социологии и других дисциплинах, точно также связано с точкой зрения практики.

Это - попытка противопоставить науке, которая непрактична, оторвалась от практики, практическую точку зрения. Но сами по себе эти дискуссии — лишь один из моментов разворачивающейся на наших глазах, но мало понятной истории. Мы в ней еще не разобрались даже грубо. И здесь мы подходим к основному вопросу: для чего и ради чего мы занимаемся психологической работой?

Совсем недавно я познакомился с «Автобиографией» Коллингвуда и в разделе

«Фундамент будущего» нашел резкую и невероятно интересную критику психологии, которую и хочу сейчас воспроизвести. Но прежде поставлю основной занимающий меня вопрос. Я утверждал, что психология — это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, то есть это и весь мир. взятый в определенном повороте, ракурсе.

И вот теперь я возвращаюсь к истории психологии второй половины XIX в., когда развиваются и идущая от Вундта экспериментальная психология, и то, что в нашей русской терминологии мы привыкли называть психологизмом. И я хочу поставить вопрос: в какой мере и насколько психология и психологизм связаны, можно ли их вообще отделять? И дальше хочу спросить: где мы имеем психологию, а где — психологизм? Это очень непростой вопрос. А теперь процитирую Коллингвуда.

В главе «Фундамент будущего» он рассказывает о том, как принимал участие в подготовке Версальского мирного договора, как был потрясен его бессмысленностью и корыстью людей, вершивших судьбы Европы (мы знаем, к чему это привело). И он формулирует основную для себя посылку. Он пишет, что первая мировая «война была беспрецедентным триумфом естествознания. Бэкон обещал, что знание станет силой, и силой оно действительно стало — силой разрушать тела и души людей более эффективно, чем это достигалось прежними средствами. (...) Но в одном отношении война была и беспрецедентным позором для человеческого разума. Чем бы ни считать ее, плодом преступного сговора шайки немецких милитаристов, как думали одни, или шайки английских коммерческих заправил, как думали другие, ясно было одно: никто, кроме самой ничтожной кучки людей в воюющих лагерях, не хотел ее. Она возникла потому, что ситуация вышла из-под контроля».

Дальше Коллингвуд продолжал эту мысль: «Когда был подписан мирный договор, ситуация стала еще более неуправляемой; сражение кончилось только потому, что одна из борющихся сторон была разгромлена, а не потому, что ситуация снова вернулась под контроль человека».

И делает вывод: «фактом остается то, что гигантское усиление с 1600 года контроля человека над природой не сопровождалось соответствующим усилением его контроля над людскими делами. (...) Был только один способ отвлечь эту опасность, и только он, если бы все это случилось, мог исправить положение. Способность европейца управлять силами природы являлась плодом трех столетий научных исследований в тех направлениях, которые были намечены в начале XVII в. Расширение научного кругозора и ускорение научного прогресса во времена Галилея привели нас от водяных и ветряных мельниц средних веков к почти невероятной силе и тонкости современной машины. Однако с себе подобными люди обращались точно так же, как в средние века с механизмами. Краснобаи, преисполненные добрых намерений, толковали о необходимости замены человеческих серр_х намерений, толковали о необходимости замены человеческих се_й оо_х намерений, толковали о необходимости замены человеческих се_й _ашины. Однако с себе подобными люди обращались В этом месте моих рассуждений, я чувствую, — продолжает Коллингвуд, — естествоиспытатель может взять слово, чтобы восстановить свой падающий престиж. "Да,— заметит он,— все, что Вы сказали, верно. Мы действительно, если хотим спасти цивилизацию, должны хорошо разбираться в людских делах. А это значит — хорошо разбираться в человеческом уме и происходящих в нем процессах, знать различные формы этих процессов у разных типов человеческих существ. Подобно всякому подлинному знанию, оно должно быть научным знанием. Одним словом, оно должно быть психологией. Психология — наука, которая, несмотря на свою молодость, показала несостоятельность претензий таких старых псевдонаук, как логика, этика, политическая история и т.д., и в то же время сумела извлечь все ценное из их наследия. Она и есть то знание, которого ищет мир".

Подобное заявление,— замечает Коллингвуд,— ни на минуту не ввело бы меня в заблуждение, и этим я обязан моим ранним занятиям теологией. Как и все те, кто изучал ее тогда, я прочел "Многообразие религиозного опыта" Уильяма Джемса и кучу других книг, где религия рассматривалась с психологической точки зрения. Если книга Джемса и шокировала меня, то не потому, что в ней были описаны какие-то факты, о которых я бы предпочел не слышать,— они в общем были забавны. И не потому, что я считал работу Джемса неумелой.

По-моему, он выполнил ее очень хорошо. Мой шок был вызван тем, что вся книга являла собой образец мошенничества. Она обещала пролить свет на определенные вопросы и ничего не прояснила. И причина этого — примененный в ней метод. Предмет исследования в книге остался невыясненным не из-за того, что она была продуктом плохой психологии, а как раз потому, что она была результатом хорошей психологии. И в своей работе "Религия и философия" я нападал не только на Уильяма Джемса, но на любую психологическую трактовку религии, отраженную в формуле: "Дух, рассматриваемый таким образом, перестает быть духом вообще".

Книга Джемса вывела меня на верный путь. Мне стало ясно, что любые попытки свести этику к психологии (а попытки такого рода делались достаточно часто), либо сделать то же самое с политикой неизбежно приведут к неудаче. Я прекрасно знал, что мольба: "Не критикуйте эту науку, она еще в пеленках" — основывается на лжи. Психология весьма далека от того, чтобы считаться молодой наукой. Как термин "психология", так и она сама существовали с XVI века. Она не только давно признанная наука, но и наука, которая в течение столетий была респектабельной и даже вполне уживчивой. Она была создана (и это явствует из ее названия, как легко может заметить каждый, достаточно хорошо знающий греческий язык) для изучения того, что не является ни умом в традиционном смысле слова (сознание, рассудок, воля), ни телом, но «psyche», или же такими психическими функциями, как ощущения и влечения. Она шествовала, опираясь, с одной стороны, на физиологию, а с другой стороны, на науки об уме в собственном смысле слова — на логику и этику, науки о разуме и воле. И она не обнаруживала никакого желания вторгнуться на соседние территории до тех пор, пока в начале девятнадцатого столетия не возобладала догма, что разум и воля представляют собой только сгустки чувств и влечений. Если дело обстоит таким образом, то тогда логику и этику можно устранить, а их функции передать психологии. Ибо "духа" как такового не существует, а то, что им называлось, на самом деле есть только «psyche».

Вот что лежит в основе нынешней претензии психологии решать проблему тех наук, которые когда-то именовались "логикой" и "этикой", в основе современной тенденции выдать психологию за науку о духе. Люди, выступающие с такими притязаниями или же соглашающиеся с ними, должны знать, что из этого вытекает. А из этого следует систематическое устранение таких категорий мышления, которые, будучи действительны для разума и воли, но не для чувства и влечения, образуют особый предмет логики и этики: категории истинного и ложного, знания и невежества, науки и софистики, правильного и неверного, доброго и злого, целесообразного и нецелесообразного. Категории такого рода — арматура любой науки; никто не может их устранить, оставаясь в то же время ученым; психология поэтому, рассматриваемая как наука о духе, не является наукой. Она то, чем была "френология" в начале XIX в. и астрология и алхимия в средние века и в XVI столетии, — «модное наукообразное мошенничество эпохи» [Коллингвуд 1980: 373–376].

Вдумываясь в эту критику, можно было бы сказать, что Коллингвуд допустил элементарную и очень грубую ошибку: он смешал психологию с психологизмом и критиковал, по существу дела, психологизм. Все то, что он говорит, вообще не касается психологии.

Но тут можно задать вопрос: а в самой психологии достаточно ли разделяются психология и психологизм? Не происходит ли так, что мы постоянно подменяем первую второй? Но если мы это делаем, то ошибаемся мы при этом или мы на верном пути? И можно ли вообще мыслить психологию без психологизма? Считать психологизм заблуждением, а психологию — правильной? Так мы вновь и вновь возвращаемся к вопросу о смысле психологической работы.

Несколько дней назад у нас с присутствующим здесь профессором Томасом Поптевиц произошел очень интересный разговор. Мы обсуждали линию психологизма, развитие психологии, обращение американских психологов к работам Выготского, функцию, в которой они употребляют эти работы. И Томас задал очень резкий и самый существенный вопрос: «Может быть, психологизм, — сказал он, — это и заблуждение, но как тогда объяснить, что и в нашей стране и в вашей, да и во всем мире делаются все большие ассигнования на психологию? Какой социокультурный запрос обеспечивается развитием психологии?» Сейчас я воспроизведу тот ответ, который я попытался ему дать.

Я уже говорил, что психология сегодня — это, с моей точки зрения, особое мировоззрение, особое видение мира — видение всего в фокусе человека, и что ее нынешнее развитие выражает особую озабоченность, по существу дела, всех людей состоянием человека. Коллингвуд тоже выразил это достаточно четко. Хочу подчеркнуть, что, с моей точки зрения, на рубеже XIX – XX вв. произошло и происходит дальше разрушение той модели человека, которая сформировалась в раннем Возрождении в среднеитальянских городах, а именно модели «отдельного человека», обладающего индивидуальностью и личностью.

С моей точки зрения, в теологии, средневековой философии в целом, и еще раньше, у греков, привычного нам человека — как индивидуальности, как личности — вообще не существовало. Как и наука, понимаемая как особая форма организации знания, так и представление о человеке есть исторически складывающееся, исторически преходящее образование. Чтобы к началу XV в. сформировать эту модель человека, понадобилась гигантская работа и страшное напряжение.

У Энгельса есть прекрасные слова: «Эта эпоха требовала титанов и она породила их». Причем — титанов в самых различных формах. Это и Леонардо да Винчи, и конкистадоры, которые завоевывали Америку, предавая все мечу и огню. Это были люди, которые рассчитывали не на Бога или на дух, но только на свою сметку, они были искателями приключений, и единственное, что у них было, это их «Эго». Формировалось представление о человеке, который один может все. Эта модель развивалась, ее вынашивали, формировали, но в середине XX столетия мы пришли к ситуации, когда вдруг оказалось, что этот самый человек с индивидуальностью и личностью больше не имеет права на существование. Он начинает «вымываться» со страшной силой, поскольку начинает жить в «организации», становясь лишь «винтиком» в ней.

А это значит, что представители одной «организации» должны все ходить в одинаковых костюмах, одинаково менять рубашки, должны быть все однотипными. Поэтому был поставлен вопрос: «Можно ли сохранить человеческую личность в условиях, когда нет и не может быть индивидуальности»? И вообще: «Что есть сегодня человек? Каким он может быть дальше, каким он будет жить»?

Это ощущается буквально всюду. И отсюда возникает такой интерес к человеку и его психике. Возникают две социальные потребности.

С одной стороны, приспособить, адаптировать человека к «организации», с другой — дать ему такую технику, чтобы он мог противостоять «организации», чтобы он мог выжить, чтобы он не сломался в ней и сохранил хоть шанс быть не материалом и объектом деятельности, а ее субъектом. Дать человеку в этих новых условиях шанс на субъектность, на то, чтобы быть личностью.

Именно эта социокультурная проблематика, эта удивительно напряженная и трудная для человека ситуация ощущается всеми и порождает надежды на психологию. И в этом смысле, на мой взгляд, психология неотрывна от психологизма. Психология зиждется на понимании гигантской значимости человека и его психики. Психология все время говорит: нельзя рассматривать человека как «винтик» — это плохо кончится.

Так мы приходим к совершенно новой социокультурной ситуации — и я уже начинаю отвечать на вопрос, зачем нужна психология, для чего, с моей точки зрения, мы проделываем и должны проделывать психологическую работу.

Я говорил, что здесь борются две линии. Человека стремятся приспособить к «организации», сделать его эффективным материалом, на котором она паразитирует. Нужно это? Да. Иначе не будет нашей культуры и такой ценности, как современная «организация». Но, с другой стороны, мы постоянно наблюдаем, как человек не выдерживает соревнования с ней, постоянно ломается. Он ломается даже в самых, казалось бы, простых условиях.

Скажем, человек получил хорошее образование, стал специалистом и вступает в дискуссию с другими специалистами, у него широкие крылья, он готов взлететь, но в ходе сочувственного разговора вдруг выясняется, что его мир рухнул. Это ситуация, в которой человек должен искать себе место. Он может занять место ученика, занять место понимающего, но для этого необходима определенная техника — техника управления собой. Если он не

успевает вовремя преобразовать себя, он разрушается на ваших глазах: его глаза становятся больными, мир исчезает и вы не знаете, что он будет делать в ближайшие два часа. И все это может кончиться катастрофой.

Это происходит постоянно. Это происходит со студентами МФТИ, которые не выдерживают темпа обучения. Происходит с молодыми специалистами, которые не понимают, чему и как их учили, что и как им делать, чувствуют себя неадекватными. Это происходит, когда танк на учениях наталкивается на надолбы, или оказывается под водой, и танкисту надо что-то делать, но единственное, на что он способен, это кричать «Караул! Мама!» Он не готов к ситуации, он не может работать. И таких, самых разных, ситуаций у нас множество. Возникает сложнейшая проблематика человека в современной деятельности, причем в двух, отмеченных мной аспектах: приспособления человека и сохранения за ним субъективной функции. И возникает вопрос: готово ли сообщество психологов соответствовать этой новой ситуации?

Я пытался охарактеризовать социокультурную ситуацию, которая, с моей точки зрения, стимулирует веру в психологию, создает пространство для психологической работы. Обратите внимание: эти требования ориентированы не на науку, не на ту традиционную научную психологию, которая развивалась по образцу Галилеевой науки. Оказывается, что такая научная психология в новых ситуациях просто не имеет условий для своего существования — тех самых условий, которые я здесь перечислял. Например: мы должны иметь дело с объектами, которые всегда экзemplифицированы. Здесь возникает ситуация переноса исторического опыта, которую обсуждал Коллингвуд: мы должны извлечь опыт из одной ситуации, чтобы работать в другой.

Короче говоря, мы имеем дело с предметом, который каждый раз летает по-разному. Здесь столько замкнутых системных связей, что вы никогда не знаете того минимума, который нужно учесть, чтобы понять это явление. Больше того, вы никогда не знаете, что именно отражается в этой психике: система культурных норм, воздействие других людей в ситуации или патологическое состояние человека, обусловленное его прошлой историей, т.е. сам этот мнимый предмет «душа» завязан на сложнейшую сеть междисциплинарных связей.

Вся совокупность социокультурных условий делает совершенно невозможным дальнейшее развитие психологии как естественнонаучной дисциплины, или науки в узком смысле этого слова. Поскольку здесь всякое исследование должно быть четко замкнуто на практику с ее целями и, соответственно, на технику.

Таким образом, общество ждет от психологии знания значительно более сложного по своей формальной структуре, чем все образцы естественнонаучного знания, когда-либо продемонстрированные в математике или физике. Все то, что нам нужно, чтобы работать с человеком и обеспечить его необходимой техникой — неважно, антропо- или психотехникой, техникой коммуникации или мышления,— все это намного сложнее, чем то, что делают естественные науки; более того, сама структура организации знания, мышления, соответствующая естественной науке, не может дать нам таких решений.

Если мы определили смысл психологической работы, а я пока говорил только об этом, то возникает следующий вопрос: можем ли мы работать здесь с традиционными предметами исследования, можем ли по-прежнему фиксировать наше внимание на «психике» как предмете? Больше того, как мы должны представлять себе будущее развитие психологии, особенно в условиях, когда параллельно развиваются антропология, этнология ; вместе с этнографией, культурологией, социологией и т.д.

Чуть раньше я сказал, что надежды на психологию, с моей точки зрения, объясняются и обуславливаются тем, что она есть «держатель» человека, самого интимного в нем. Но как тогда быть с антропологией? Разве она не фиксирует все это же человеческое? Почему же тогда психология, а не антропология? Почему психология или антропология, а не этнология?

Я отвечаю на этот вопрос так: потому, что то, что мы сегодня называем психологией, — не наука, а много-много больше — это гигантская сфера деятельности. Как она будет развиваться, зависит во многом от ее отношений с другими сферами, или даже резче: это зависит от инициативности! От того, какие темпы развития наберет каждое сообщество.

Ведь системодетельностный подход, идея «сферы» в принципе отвергает представление,

что в мире уже лежат размеченные предметы тех или иных наук, скажем: вот — социология, вот — антропология, и мы лишь развиваем наши методы, медленно двигаясь по этим заранее отмеченным дорожкам. Я же говорю, что в живой человеческой социальной деятельности нет таких ориентиров, нет готовых областей для психологии, антропологии, культурологии. Территория должна быть занята за счет быстрых бросков. И что будет занято, то и будет нам принадлежать. Это и есть деятельностный подход.

Если психологи будут медлить, они могут оказаться вытесненными в какие-то периферийные, маргинальные области, где и должны будут чем-то заниматься, причем в условиях взаимодействия с другими сообществами ученых. И каждый раз, когда они будут пытаться расширить свою область изучения до некоторой целостности, будут пытаться придать ей осмысленность, им будут говорить: «Вы куда? Здесь уже все занято, мы уже все сделали!». И, быть может, действительно, все уже будет сделано. Поэтому все зависит от того, как это будет реально развиваться. Нет такой вещи, как предмет, под который надо подбирать методы — есть нечто совсем другое.

Я перехожу к своему второму основному тезису. Тезис этот состоит в том, что идея «сферы психологии» как сложной сферы МД предполагает принципиально другой подход, нежели при анализе предмета науки. При этом подходе надо идти от уже сложившегося сообщества, отталкиваться от развитых в нем сфер деятельности, типов МД и ставить вопрос, как лучше и эффективнее организовывать развитие этого сообщества.

Это напоминает организмический подход. То есть мы должны взять сообщество психологов как организм со всем тем многообразием форм, которое они уже выработали. Взять с учетом тех областей практики, которые они уже захватили, и возможных областей практики в «зоне ближайшего развития». Мы должны учесть развитие возможных техник: антропо-, психо-, мыслительных и коммуникативных техник. Взять все наличное множество научных предметов — 40, 50, или еще больше — и обсуждать теперь вопрос о развитии сферы как организма, смотреть, как это будет лучше всего развиваться во всем многообразии факторов, определяющих эту сферу, то есть и на уровне развития знаний, и на уровне развития чистого мышления, и на уровне развития МД и на уровне инструментария. И все это еще должно быть согласовано.

Тут я должен начать обсуждение вопроса о методологической организации сферы. Собственно, идея методологической организации и выдвигается как средство или как такая форма организации, которая должна наилучшим образом обеспечить — социально и культурно значимое — развитие всей сферы и всего сообщества. То, что я назвал вначале «смелой гипотезой», вроде бы и есть предложение такой организации, которую я должен внести.

Итак, я сформулировал основную идею. Теперь весь вопрос в том, как организовать развитие сферы психологии?

Здесь я и должен был бы обсуждать идею методологической организации. Но мне это очень трудно делать сейчас, поскольку это требует очень много времени. Я, поэтому попытаюсь здесь применить один прием: я попытаюсь рассказать об этом, как о том, что было реально, но было как бы «в колбе», то есть «локально», с тем, чтобы показать, как это может быть, пусть и «в колбе», а все вопросы, связанные с тем, как это можно перенести на всю сферу, оставлю на последующие обсуждения.

Но что в данном случае значит «в колбе»? Когда в 1958 году здесь, в этом институте, под руководством П.А. Шеварева начала работать Комиссия по психологии, логике и мышлению, то собравшиеся там психологи, логики, методологи, лингвисты, социологи и встали, собственно говоря, перед проблемами, которые мы сейчас обсуждаем в связи со сферой. В Комиссии собрались представители разных научных дисциплин, а заниматься, как им казалось, они хотели одним — мышлением и деятельностью.

Поэтому они должны были соединить свои усилия, найти общий язык, соорганизоваться. Причем, все работали как техники: скажем, В.В. Давыдов работал как антропотехник, другим приходилось организовывать коммуникацию и мышление, третьим — какие-то области дизайна, педагогики в целом и т.д. И они начали реально вырабатывать форму методологической организации — не исследовать ее, а реально творить в этой «колбе» своего

семинара.

Принципиально здесь — фундаментальное различие мышления и мыследеятельности.

Давайте представим себе эту ситуацию. Приходит, например, логик Садовский, большой зануда по части значков, большой дока по части разных направлений, он приносит с собой свое видение мира, свою логическую действительность. Образно это можно представить так, что он все время ходит с доской перед собой, где рисует эти свои значки и закорючки. А рядом с ним стоит В.В. Давыдов, который терпеть не может этих закорючек, но не потому, что они не имеют значения, а потому, что он здорово помнит слова, сказанные однажды Давидом Гильбертом: «Очень много мела, а где мысль»? И В.В. спрашивает: «Где за вашим мелом мысль?», потому что у него совершенно другое видение мышления.

А потом приходит, скажем, лингвист Рождественский, у которого то же самое «речевое мышление» видится через призму языковедческих представлений, через призму «системы языка», цепочек речи, парадигматики и т.д. Так собиралось множество людей, за каждым к тому же стояла практика их работы и определенная техника, и каждый должен был вести двойную жизнь.

С одной стороны, каждый из них мыслит, причем мыслит в своей профессиональной предметной действительности — логической, психологической, языковедческой — независимо от того, пришел он на семинар дискутировать или сидит у себя в кабинете, где расписывает все эти формулы или представляет себе определенные схемы. Тем самым каждый включен в систему чистого мышления.

С другой стороны, когда они приходят на семинар, между ними начинается дискуссия. Например, начинает разговор занудливый логик. Он приглашает всех обратиться к его доске и говорит: «Как известно, мышление представляет собой рассуждение, в котором реализуются какие-то импликации, операторы, ...» И т.д. И помчалось...

Что ему отвечает другой? Он говорит: «Ничего подобного, это только \ твои закорючки, только твое видение всего этого. Вот давай с тобой считать. Мы будем переходить от пересчета к присчитыванию, смотри, как это делается...» И расписывает соответствующую схему на другой доске.

Так все участники семинара оказываются не только в плоскости своего чистого мышления, в своей предметной действительности, но и вынуждены взаимодействовать друг с другом. Они оказываются включенными в живую коммуникацию и МД, которая разворачивается не в «действительности» чистого мышления, а в «реальности» их мыследействования и коммуникации на семинаре.

Что мне важно подчеркнуть? Что законы МД принципиально отличаются от законов мышления. Что в условиях диалога (давайте вспомним доклады В.С.Библера и дискуссию по поводу «противности» диалога, алогичности и т.д. — все это прямо «ложится» сюда), что условиях дискуссии на семинаре для каждого из участников может быть только два выхода. Либо, выяснив различие своих действительностей, расплестись и разойтись, либо считать ценностью коллективную работу, коллективную МД, и тогда искать какие-то принципиально иные средства организации отличные от той или иной предметной действительности.

Сейчас, после перевода книги Т.Куна, мы с вами хорошо понимаем эту ситуацию, у нас и слова есть для ее описания. Мы говорим: собрались носители разных парадигм, или систем средств. В таких условиях «нормальной науки» быть уже не может, мы попали, по Т.Куну, в «революционную ситуацию». Но работа Т. Куна была написана в 62-м году, а мы занимаемся этим с 54-го, Комиссия по психологии, логике и мышлению работала с 58-го.

Тогда мы не очень хорошо это понимали, что мы носители разных парадигм, мы только искры высекали на своих заседаниях, считали свою работу большой ценностью и должны были искать другие — новые — формы организации МД, отличные от законов логики и онтологии.

При этом — и теперь я делаю следующий важный шаг — каждый осуществлял рефлекссию и пытался то, что говорили другие, переводить в свою действительность. Происходило распредмечивание и перепредмечивание содержания, втягивание его в новые предметы. В результате сами предметы в их «чистоте» разрушались, потому что когда логическое содержание вносилось в психологические представления, это отнюдь не всегда шло на пользу

дела. Ведь нужно было найти такое представление, где они соединялись бы органично и эффективно.

Когда мы начали соединять социологические и языковедческие представления с психологическими, социологические — с логическими, это очень часто вело не к созданию новых представлений, а к их разрушению и созданию бессмысленных синкретов. Больше того, мы постепенно начали выяснять, что рефлексия происходящего здесь в МД и перенос на соответствующее табло, как правило, внутренне противоречивы и все время ставят нас в ситуацию несоответствия наших представлений тому, что происходит в реальной ситуации.

Теперь я делаю самый важный шаг. Нам важно было не только сохранить такой семинар с коллективной МД как место для «говорения» — важно было наладить совместную работу и совместное движение вперед. Надо было сделать так, чтобы расхождение во мнениях, возникающее здесь в системе МД, работало на развитие соответствующих предметных представлений — логических, психологических, социологических и т.д.

Смотрите, что здесь очень важно. Конфликт разворачивался между нами в коммуникации, во взаимодействии с друг другом, в реальной МД и в прямых столкновениях. Он не был ни логическим, ни психологическим, ни лингвистическим, не было там «бирок и отметок», помечающих, какой это конфликт. Это был просто разрыв во мнениях, это была сама реальная жизнь, которая вне каких бы то ни было «предметов» — вот что мне очень важно.

Не знаю, понятен ли этот тезис, достаточно ли он очевиден. Реальная МД — неважно, на семинаре или в школе, когда ведется опытная работа — не разделена на психологическую, логическую, языковедческую работы, она есть просто единая МД.

И для того, чтобы ее соорудить, необходимы совершенно другие знаковые средства, другие понятия, нежели любые и всякие предметные понятия, будь то логические, социологические или какие-то другие. Ни одна из этих дисциплин в принципе не отражает того, что происходит реально в ситуации МД. Ибо эти науки так и образовывались — не чтобы отражать, а чтобы иметь идеальный объект, который жил по законам логоса, который можно было бы расписывать в формулах на доске. В этом и состояла идея чистого мышления, мышления вообще.

Мы постоянно пытались переводить то, что происходило в ситуации МД, на наши доски. Но это лишь порождало все новые и новые противоречия, ибо реальное мышление в принципе не переводимо в подобные предметные представления.

Отсюда становится понятной значимость многоаспектной точки зрения, которая есть просто фиксация разрыва между МД и мышлением, то есть между тем, что разворачивается здесь, в реальности, и тем, что дано на досках. Мы говорим: у одного — одна доска, у другого — другая, один видит в одной проекции, другой — в другой, а что есть тут, в реальности? Каждый видит в соответствии со своим предметом, но что, опять же, есть в реальной МД?

Отсюда и появляется феноменологический анализ, отсюда — значимость феноменологии, значимость «понимающей психологии», «понимающей социологии» и всех других «понимающих» дисциплин.

Потому что, во-первых, надо понимать произносимые тексты, а это не есть мышление, и, во-вторых, надо иметь особые средства для организации многих разных действительностей вместе с рефлексивным положением этого в реальную МД и с обратным отражением из реальной МД на эти доски, — каждый раз неадекватно.

Но — еще одна деталь — чтобы теперь все участники могли вести свою предметную работу в соответствии с интересами целого, им понадобились другие — непредметные средства, представляющие это целое. И они стали вырабатываться в виде средств теории деятельности, потом теории МД. Это были схемы, в которых фиксировались позиции людей, их действия и представления.

Посмотрите, что для этого надо было сделать. Я обращаюсь к вопросу об «истинности». В традиционном смысле она существует только на этих досках, только в этих предметах, — это всегда истинность формы знания по отношению к идеальному объекту. Понятие «истины» — говорю я как логик — никогда иначе не употреблялось. Нам же понадобилось принципиально другое. Нам нужно было иметь соответственно реализуемые схемы — проектные схемы,

которые могли осуществляться в «опускании» на людей и т.д.

В силу ограниченности времени я высказываю основной тезис. Все, что происходило на наших семинарах как «в колбе», потребовало развития принципиально новых средств описания и фиксации. Средств, которые можно сопоставить с феноменологическими, которые можно рассматривать как оргдеятельностные средства, то есть как средства, которые в принципе непредметны, которые фиксируют феноменальные факты существования тех или иных оппозиционеров, их отношение к друг другу в «организации», фиксируют то, что они говорят, видят, фиксируют их суждения, мнения и знания.

Обратите внимание, если я имею некоторое представление и ставлю вопрос о его истинности, то отношу его к идеальному объекту и спрашиваю, соответствует ли оно объекту. А организатору и руководителю развития МД этого делать не надо, потому что он лишь фиксирует, что, скажем, у этого логика есть такие представления. Организатор говорит о «логике»: «У него есть мнение, что...», или: «Он имеет такое-то знание». Ну, имеет, понимаете? Это — феноменальный факт. В дискуссии мне бессмысленно спрашивать, истинное у вас знание или неистинное, мне другое важно: интересно оно или нет. И главное, мне бессмысленно задавать вопрос об истинности вашего знания, потому что у меня нет критерия оценки. Как я могу узнать, истинны ли ваши — чужие, противные мне — знания?! Если я скажу, что они не истинны на основе того, что у меня они не такие, диалог и коммуникация кончаются.

Поэтому, чтобы понимать и работать, мне надо не об истине спрашивать, а точно фиксировать, какое у вас знание, точно, без искажений, понять, что вы говорите, и работать с этим как с определенной ценностью.

И я делаю основной вывод. Отказ от рассмотрения психологии как предмета и как науки, отказ от суждения, что кто-то «отражает» неправильно, поскольку кто-то другой имеет другие представления, или кто-то третий думает, что он Господь Бог и видит и знает истину. Отказ от такого подхода предполагает четкую инвентаризацию всего того, что уже развито в психологии, а затем такую организацию коллективной МД, — т.е. коллективной коммуникации внутри сферы психологии, кооперации разных направлений и школ внутри сферы психологии, разных техник и практик, разных научных предметов, которая обеспечила бы максимальное развитие этой сферы.

Но теперь вы спросите меня, как быть тогда с «объектом»? Я отвечу: в сфере психологии нет того «объекта», с которым всегда имела дело наука. Когда В.В. Рубцов ведет свои исследования в школе, то у него нет того внешнего объекта, который кем-то создан и который Рубцов лишь описывает. Потому что В.В. Рубцов создает этот объект своей деятельностью.

Смотрите, как все интересно получается. Смысл дела состоит тогда в таком развитии сферы психологии, чтобы она своей деятельностью захватывала все новый и новый материал, создавала все новые и новые формы человеческой коммуникации и взаимодействия и описывая то, что создает.

Осуществляется полный отказ от описания внешнего объекта. На передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельностный мир и вовремя его фиксировать, — и это для того, чтобы снова творить и снова отражать, и чтобы снова более точно творить. Поэтому фактически идет не изучение внешнего объекта, а непрерывный анализ и осознание опыта своей работы.

Но ведь именно так работала и педагогика, и включенная в ее контекст психология, и патопсихология, и все, что принадлежит миру психологии. И не только — так работали все гуманитарные науки, связанные с развитием мира МД, это есть естественный механизм формирования опыта, извлечения знаний и перевода их в новую МД. Но для этого надо отказаться от сциентистских догм. Благодарю за внимание.